

А. Ф. Бычков, А. Томсон

**Историческая грамматика
современного армянского
языка города Тифлиса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А. Ф. Бычков**
Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса /
А. Ф. Бычков, А. Томсон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 292 с.

ISBN 978-5-458-02342-9

Исследования А. Томсона магистра сравнительного языковедения.

ISBN 978-5-458-02342-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что въ нихъ многія стороны языка совершенно упущены изъ виду, то нужно придти къ заключенію, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ полнаго и удовлетворительнаго изслѣдованія какого бы то ни было армянскаго діалекта.

Что касается грамматикъ грабара, то и тутъ дѣло не обстоитъ лучше, не смотря на блестящія работы Мхитаристовъ. Въ грабарныхъ грамматикахъ огромный матеріалъ расположенъ безъ научной системы, историческое изложеніе имъ чуждо, одна форма классическаго языка принимается за общую норму, формы, относящіяся къ разнымъ эпохамъ, приводятся въ переимѣнку и т. д. Впрочемъ, теперь еще не время составить грабарную грамматику. Раньше нужно обслѣдовать всѣ грабарныя рукописи.

Чтобы дать понятіе объ армянскомъ языкѣ, недостаточно перечислить факты какого-нибудь діалекта, а нужно показать, въ историческомъ обзорѣни, какъ этотъ діалектъ живетъ и развивается, какія его стремленія и законы, что въ немъ издревле унаслѣдовано и что приобрѣтено вновь и какими путями, какія его характерныя черты и что въ немъ есть такого, чего мы не находимъ въ другихъ діалектахъ или въ грабарѣ.

Грабаръ выработалъ себѣ искусственный строй мертваго литературнаго языка. Иностранные языки, въ особенности греческій языкъ, оставили въ немъ глубокіе слѣды. Вслѣдствіе этой и многихъ другихъ причинъ, грабаръ является не совсѣмъ хорошимъ объектомъ, изслѣдованія для того, кто хочетъ заключить, по этому изслѣдованію, о всемъ армянскомъ языкѣ.

При изученіи тифлискаго діалекта я долженъ былъ собрать по возможности полный матеріалъ; очистить его критически отъ всякихъ чужихъ примѣсей и ошибокъ; изслѣдовать, при помощи его, исторію каждаго звука, начиная съ ивдоевропейскаго праязыка и кончая настоящимъ временемъ; отмѣтить тѣ общія стремленія языка, для которыхъ измѣненіе каждаго отдѣльнаго звука является только частнымъ случаемъ примѣненія болѣе общаго закона; установить, на сколь-

VI

ко позволяютъ нынѣшнія свѣдѣнія, звуковую систему общеармянскаго языка; прослѣдить въ словообразованіи именъ, глаголовъ и другихъ частей рѣчи исторію каждаго суффикса, и указать, какіе суффиксы вымираютъ, какіе возникаютъ вновь, какъ они измѣняются по формѣ и значенію и чѣмъ обусловливаются всѣ эти явленія; возстановить исторію окончаній, на сколько это возможно, до индоевропейскаго праязыка, и указать на причины исчезновенія старыхъ окончаній и появленія новыхъ. Однимъ словомъ, раскрыть всю внутреннюю жизнь языка и указать на условія развитія его, начиная со времени выдѣленія армянскаго языка изъ индоевропейскаго праязыка. Въ этомъ отличаетъ моя работа отъ работы арменологовъ, не изучавшихъ специально сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Послѣднимъ недоступна вся древнѣйшая исторія армянскаго языка. Самостоятельно они могутъ отважиться не дальше, какъ до эпохи распадѣнія общеармянскаго языка. При отсутствіи другихъ данныхъ, всѣ заключенія объ общеармянскомъ языкѣ нужно дѣлать при помощи сопоставленія всѣхъ армянскихъ діалектовъ, съ одной стороны, и индоевропейскаго праязыка, съ другой. Такъ какъ имъ индоевропейскій праязыкъ недоступенъ, то нужно было установить другую твердую точку, исходя изъ которой было бы возможно, не будучи сравнительнымъ языковѣдомъ, заниматься вполне успѣшно раскрытіемъ исторіи армянскаго языка. Такой точкой могъ быть только общеармянскій языкъ. Вотъ почему я всѣми силами старался возстановлять, по мѣрѣ возможности, предполагаемые звуки и формы общеармянскаго языка.

При большомъ сходствѣ всѣхъ живыхъ армянскихъ діалектовъ между собою, исторія тифлисскаго діалекта раскрываетъ въ общемъ и исторію всѣхъ другихъ діалектовъ. Индивидуальныя отличія каждаго діалекта бываютъ иногда очень значительны, особенно въ области фонетики. Но, если опредѣлить отношеніе даннаго діалекта къ общеармянскому языку, или, другими словами, возстановить его исторію до

VII

общеармянскаго языка, то дальнѣйшая исторія его будетъ уже совпадать съ исторіей тифлискаго діалекта.

Чтобы облегчить еще болѣе историческую обработку другихъ армянскихъ діалектовъ, я установилъ въ этой грамматикѣ по возможности такія классификаціи, которыя будутъ удобны и для другихъ діалектовъ. Если ихъ примутъ въ соображеніе, то единство системы облегчитъ неизмѣримо удобное обозрѣніе діалектовъ. Такимъ образомъ составитъ, мало-по-малу, сравнительная грамматика армянскихъ діалектовъ, въ которой каждый діалектъ обработанъ другимъ лицомъ. Изслѣдованіе новѣйшей исторіи нѣкоторыхъ діалектовъ, напр. карабахскаго, обѣщаетъ дать интересные результаты.

Чисто внѣшнія условія остановили мой выборъ на тифлискомъ діалектѣ. Такъ какъ обстоятельства не позволяли мнѣ изучать языкъ на мѣстѣ, то, разумѣется, выборъ долженъ былъ пасть на такой діалектъ, который, относительно пользованія живой рѣчью, представлялъ мнѣ наилучшія условія. Затѣмъ, конечно, вопросъ о текстахъ имѣлъ немаловажное значеніе. Прежде всего возникъ вопросъ, нужно ли вообще подвергнуть тифлискій діалектъ новому изслѣдованію, въ виду существующихъ уже работъ Ахвердова и Петермана. Разсматривая критически эти работы, я могъ легко убѣдиться въ несостоятельности и неудовлетворительности ихъ для современной науки. То, что составляла главную задачу моей работы, оказалось совершенно нетронутымъ моими предшественниками.

Я собралъ довольно обширный матеріалъ по тифлискому діалекту. Однихъ существительныхъ и глаголовъ чисто армянскаго происхожденія насчитывается въ моемъ словарѣ до 1500. Хотя далеко не всѣ слова помѣщены въ грамматикѣ, тѣмъ не менѣе, въ ней больше матеріала, чѣмъ мы привыкли обыкновенно видѣть въ подобнаго рода грамматикахъ. Нужно было спасти, посредствомъ печати, возможно больше точно записанныхъ тифлискихъ словъ, ибо тифлискій діалектъ вымираетъ на нашихъ глазахъ. Молодое поколѣніе не вла-

дѣлать уже въ чистотѣ тифлискимъ языкомъ и успѣло забыть многія слова и обороты.

Кромѣ спеціалиста, желающаго ознакомиться съ живымъ армянскимъ языкомъ, я долженъ былъ, при составленіи этой грамматики, имѣть въ виду еще другого читателя, незнакомаго съ спеціальными приѣмами лингвистики. Конечно, совершенно невозможно, при такой сжатости, излагать все въ общедоступной формѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о древнѣйшей исторіи діалекта, напр. при изложеніи исторіи надежныхъ окончаній, я допускалъ всевозможныя сокращенія. Эта часть и безъ того не понятна неспеціалистамъ. Въ другихъ мѣстахъ, содержащихъ свѣдѣнія, необходимыя для пониманія ближайшихъ условій армянскаго языка и для успѣшнаго изслѣдованія его діалектовъ, я впускался въ большія подробности; такъ, напр., при вопросѣ о транскрипціи, при разборѣ фонетическихъ условій общеармянскаго языка и т. д. Отсюда происходитъ неравномѣрность въ изложеніи. Она увеличивается еще тѣмъ, что я вездѣ старался подчеркивать и выдѣлять особенно характерныя явленія армянскаго языка или тифлисскаго діалекта. Кромѣ того, я разбиралъ подробнѣе всѣ новые, до сихъ поръ не подмѣченные факты языка, напр. именныя сложенія и пр.

Составленіе словаря — работа громадная, если имѣть въ виду, что приходится вынимать десятки разъ каждый листочекъ, когда напр. требуется исправить орфографію, прибавить новую форму къ слову, записать новое значеніе, и т. д. Немалый трудъ выпадаетъ и на долю лица, участвующаго въ этихъ работахъ для произношенія и какъ живой источникъ. Его участь тѣмъ тягостнѣе, что онъ долженъ, во время собиранія матеріала, совершенно безсознательно относиться къ разбираемымъ вопросамъ. Изслѣдователь долженъ всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы это лицо не дѣлало, хотя про себя, какихъ-либо выводовъ или обобщеній. Послѣдніе повліяютъ непремѣнно на его дальнѣйшія показанія, ибо онъ будетъ невольно подчиняться имъ. Опытомъ вырабатывается цѣлый рядъ практическихъ приѣмовъ, которыми необходимо

пользоваться во время такихъ изслѣдованій. Мѣсто не позволяетъ мнѣ подѣлиться ими съ читателемъ.

Я пользовался при изученіи тифлискаго діалекта услугами молодого тифлисеца, г. Аствацатурьяна, слушателя Археологическаго Института. Онъ сумѣлъ вскорѣ вникнуть въ суть и требованія работы, выказывалъ такую любовь и преданность къ этому дѣлу, что нерѣдко увлекалъ и заставлялъ забывать о безконечномъ однообразіи и кропотливости такой работы. Онъ же взялъ на себя трудъ, разсматривать всѣ корректурные листы, за что заявляю ему искреннюю признательность. Примѣры изъ карабахскаго діалекта записаны по произношенію г. Адамьяна.

Пользуюсь случаемъ выразить благодарность Г. А. Эзову, любезно предоставлявшему въ мое пользованіе свою библіотеку.

Въ заключеніе указываю на слѣдующіе два недостатка моего труда: во-первыхъ, на излишнюю сжатость изложенія, затрудняющую мѣстами пониманіе и вызванную желаніемъ дать по возможности больше лексическаго матеріала; и, во-вторыхъ, на отсутствіе алфавитнаго указателя всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ, обусловленное чисто внѣшними причинами.

Александръ Томсонъ.

С.-Петербургъ. Іюнь. 1890 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Тифлисскіе армяне.

На тифлискомъ діалектѣ говорятъ потомки древняго армянскаго населенія города Тифлиса. Уже въ концѣ VI вѣка по Р. Х., какъ видно изъ исторіи Ухтанеса, армяне составляли часть жителей этого города. Затѣмъ, въ началѣ XII вѣка, состоялось новое переселеніе армянъ въ Тифлисъ. Эти переселенцы пришли, по приглашенію грузинскаго царя Давида III, Возобновителя, изъ города Ани. Они смѣшались вполнѣ съ тѣми армянами, которые жили до ихъ прихода въ Тифлисъ. Потомки всѣхъ этихъ армянъ составляютъ нынѣ часть тифлисскаго населенія, и языкъ ихъ называется тифлискимъ діалектомъ (вѣхкі лізу).

Такъ какъ намъ неизвѣстно, изъ какой мѣстности Арменіи пришли первые армянскіе переселенцы въ Тифлисъ, то, конечно, и нельзя сказать, съ какимъ діалектомъ языкъ ихъ состоялъ въ ближайшемъ родствѣ. Несомнѣнно то, что они принадлежали къ восточнымъ армянамъ. Если переселенцы XII вѣка вышли изъ Ани, то послѣ смѣшенія съ прежними тифлискими армянами, они усвоили себѣ языкъ послѣднихъ и забыли свой языкъ. Иначе тифлисскій діалектъ принадлежалъ бы къ западной группѣ армянскихъ діалектовъ, какъ видно изъ языка другихъ выходцевъ изъ Ани, поселившихся въ Западной Европѣ и т. д. Можетъ быть, благодаря новымъ переселенцамъ, въ тифлискомъ діалектѣ явились нѣкоторыя особенности, напоминающія западные діалекты. Теперь нѣтъ уже никакой возможности опредѣлить въ точности, въ чемъ именно заключалось вліяніе позднѣйшихъ пришельцевъ.

Кромѣ того отмѣчено еще одно крупное переселеніе армянъ въ Тифлисъ, состоявшееся въ прошломъ столѣтіи. Эти переселенцы пришли изъ нынѣшней Эриванской губерніи, и поселились въ предмѣстьѣ Тифлиса, называвшемся Авлабаромъ. Они принимали, мало-по-малу, тифлисскіе обычаи, одежду и т. д. Главное отличіе ихъ отъ прежнихъ тифлисцевъ — языкъ, ибо они говорятъ до сихъ поръ на Эриванскомъ діалектѣ. Авлабарскіе армяне не оказывали, конечно, никакого вліянія на такъ называемый тифлисскій діалектъ. Когда въ этой книгѣ говорится о тифлисскихъ армянахъ, то подразумѣваются исключительно потомки древнихъ тифлисскихъ жителей изъ армянъ; авлабарцы же и другіе, вновь поселившіеся въ Тифлисъ армяне исключаются.

Характеристика тифлисскаго діалекта.

Мы не въ состояніи дать точной характеристики тифлисскаго діалекта, такъ какъ, кромѣ грабара, ни одинъ армянскій діалектъ не изслѣдованъ въ удовлетворительной степени. Въ общемъ можно сказать, что громадное большинство такихъ явленій тифлисскаго діалекта, которыя не встрѣчаются въ грабарѣ, встрѣчаются однако въ другихъ живыхъ армянскихъ діалектахъ. Съ другой стороны, кажется, другіе армянскіе діалекты дадутъ немного такого, чего мы не отмѣтили уже въ тифлисскомъ діалектѣ; ибо сходство новыхъ діалектовъ между собою — несравненно больше, чѣмъ сходство ихъ съ грабаромъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ отнести грабару особенное мѣсто въ кругу армянскихъ діалектовъ (§ 56 и др.).

Можно смѣло сказать, что грабаръ выдѣлился изъ общеармянскаго языка еще задолго до окончательнаго распаденія послѣдняго на отдѣльныя, нынѣ существующіе, живые діалекты. На это указываетъ цѣлый рядъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей современныхъ діалектовъ.

Перечислю нѣкоторыя фонетическія особенности тифлисскаго діалекта, общія отчасти другимъ живымъ діалектамъ, но не встрѣчающіяся въ грабарѣ: при извѣстныхъ условіяхъ

прежнее *a* исчезаетъ, обращается въ *ə*, *ʼə*; тиф. *i*, *ji*, *y*, *vy* вм. прежнихъ *e*, *o*; тиф. *ə*, *y*, вм. прежнихъ *ai*, *oi*; тиф. *y* вм. *iu*; отсутствіе нач. *j*, въ тиф. діалектѣ (§ 79); *n* передъ начальнымъ *ə* (§ 113); отсутствіе конечнаго *n* послѣ *z*; переходъ придыхательныхъ въ мгновенные въ группахъ (§ 154); передвиженіе согласныхъ въ срединѣ и въ концѣ слова (§ 125, 2, § 128, § 133, § 136, § 138, § 141, § 145, § 148, § 151, § 153); замѣна, въ началѣ слова, *x* посредствомъ *h* и наоборотъ; одно *p* вм. обарм. *p* и *ṙ*; тиф. *q* (§ 173, 174).

Изъ морфологіи отмѣтимъ: образованіе притяжательныхъ существительныхъ (§ 365); *əra* при порядковыхъ существительныхъ; *uḥ* въ отлож. падежѣ ед. ч.; *ip(eap)* какъ окончаніе мн. ч.; *i* въ род. падежѣ ед. ч. въ большинствѣ существительныхъ; исчезновеніе, въ большинствѣ случаевъ, согласнаго склоненія; род. падежъ ед. ч. на—*ṙam*; окончаніе *n* въ дат. падежѣ; совпаденіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, вин. падежа съ дат. падежомъ (§ 325); мѣстный пад. на—*um*; исчезновеніе, въ большинствѣ случаевъ, прежнихъ окончаній им. и род. падежей мн. ч. *kh* и *uḥ*; *s th* какъ притяжательныя мѣстоименія; опредѣленный членъ *n(ə)*. Ср. § 369; сложные слова для наименованія лицъ; именныя суффиксы: *ov*, *ovi*, *ṙam*, *s n* т. д., совершенно отсутствующіе въ грабарѣ, или *nak*, *an* и пр., измѣнившіе функціи и значеніе; сложное настоящее вр. и простое сослагательное наклоненіе; особенное употребленіе нѣкоторыхъ глагольныхъ суффиксовъ, какъ *əna*, *ama*, *ṙi*; условное и предположительныя наклоненія; окончанія (*i*)*uḥ* и (*a*)*v* въ 3 л. ед. ч. аориста; повел. накл. съ *m*, *mikh*; причастіе буд. вр. на — *y*; супинъ; дѣепричастіе на — *lis*, и мног. друг.

Вліяніе другихъ армянскихъ діалектовъ и иностранныхъ языковъ на тифлисскій діалектъ.

Что касается вліянія отдѣльныхъ армянскихъ діалектовъ другъ на друга, то тифлисскій діалектъ поставленъ въ

исключительныя условія. Тифлисскіе армяне совершенно изолированы отъ всѣхъ другихъ армянъ, благодаря положенію Тифлиса среди грузинскаго населенія. Правда, въ Тифлисъ стекаются армяне разныхъ армянскихъ областей, но единичныя личности не могутъ имѣть вліянія на языкъ. Большее вліяніе оказываютъ обыкновенно *сосѣдніе*, родственные діалекты, такъ какъ такое вліяніе дѣйствуетъ безпрестанно, и оставляетъ тѣмъ большіе слѣды, чѣмъ ближе они по мѣстности. Отъ подобнаго вліянія тифлиссцы избавились съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ Тифлисъ. Въ продолженіи этого времени тифлиссцы успѣли выработать самостоятельныя, характерныя черты своего языка въ большей чистотѣ, чѣмъ большинство другихъ армянъ. Конечно, грузинскій языкъ не могъ оставаться безъ вліянія на арм. языкъ. Но вліяніе чужого языка совершенно иное, и далеко не такъ опасно, какъ вліяніе близкаго родственнаго діалекта. Изъ чужого языка вкрадываются въ данный языкъ извѣстные обороты, извѣстныя синтаксическія особенности. Кромѣ того, подъ вліяніемъ чужого языка, измѣняется произношеніе отдѣльных звуковъ. Вслѣдствіе этого, вмѣсто закрытаго *e* можетъ явиться открытое *э*, обыкновенные глухіе мгновенные могутъ обратиться въ кавказскіе, различіе между двумя *p* можетъ исчезнуть въ произношеніи, если въ вліяющемъ языкѣ нѣтъ закрытаго *e*, обыкновенныхъ глухихъ мгновенныхъ и двухъ *p*. Однимъ словомъ, чужой языкъ уподобляетъ звуковую систему другого языка своей звуковой системѣ. Но только близкій родственный діалектъ можетъ замѣнить одинъ звукъ совершенно другимъ звукомъ, одну форму—другой.

Степень вліянія грузинскаго языка на тифлисскій діалектъ зависитъ, конечно, главнымъ образомъ отъ того, на сколько тифлисскіе армяне усвоили себѣ грузинскій языкъ, и какъ часто говорятъ на немъ.

До недавняго времени въ тифлисскихъ армянскихъ семьяхъ говорили почти исключительно на армянскомъ языкѣ. Не особенно давно встрѣчались еще армянки, которыя плохо владѣли грузинскимъ языкомъ. Но тифлисскіе армяне усвоили

себѣ грузинскій языкъ очень давно и во внѣшнемъ обращеніи употребляли его часто. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ онъ сталъ даже домашнимъ языкомъ, особенно между молодежью. Нынѣ грузинскій языкъ вытѣсняется совсѣмъ изъ домашняго употребленія. Онъ уступаетъ свое мѣсто не тифлисскому диалекту, а восточному литературному языку. Последнее явленіе объясняется вліяніемъ училищъ, книгъ, журналовъ, вообще распространеніемъ грамотности.

Самое сильное вліяніе на тифлисскій диалектъ оказывалъ, конечно, грабарь, и, въ новѣйшее время, литературный языкъ. Грабарь, при посредствѣ церкви и духовенства, вліялъ постоянно на всѣ народныя діалекты. Онъ вліялъ, главнымъ образомъ, на морфологію языка, ибо, какъ мертвый языкъ, онъ своего самостоятельнаго произношенія не имѣетъ. Тифлисамъ извѣстно: гарнэмэн лун ку цвані—отъ овцы родится собака, вм. тиф. ку цънѣї, и т. д. Въ молитвахъ, благословеніяхъ, пословицахъ, въ возвышенномъ стилѣ, въ именахъ собственныхъ и т. д. встрѣчается много грабарныхъ заимствованныхъ словъ: мѣц (вм. мѣнѣ) э зорутнѣн Кхрѣстусі—велико могущество Христа; кху мѣцанѣ (тиф. мѣхкі) тэр ѣлім—я взялъ бы на себя твои грѣхи, и пр. Но, какъ выше сказано, грабарь не оказывалъ вліянія на звуковую сторону тифлискаго діалекта. Въ заимствованныхъ изъ грабара словахъ сохраняются только такія грабарныя особенности, которыя не противорѣчатъ тифлискимъ звуковымъ законамъ, хотя соответствующее тифлисское слово имѣло бы другую форму (мѣц, мѣцанѣ, лаватал вм. автал, ср. § 57, 6, в). Но непривычныя тифлисамъ звуки, встрѣчающіеся въ грабарныхъ словахъ, замѣняются соответствующими тифлискими звуками: эгэуэцнѣ, зорутнѣн, Кхрѣстус, Грѣкхур, вмѣсто грабарныхъ: екеуэцнѣ, зорутхун, Кхрѣстос, Грѣгор. Въ тифлисскомъ диалектѣ нѣтъ неудареннаго закрытаго *e* и суффикса *дун*, а вмѣсто удареннаго *o* является въ тиф. диалектѣ обыкновенно *у*, и т. д.

Чрезмѣрное обиліе иностранныхъ словъ, какое мы видимъ у Саятъ-Нова, не можетъ считаться нормальнымъ явленіемъ